

Внимание: идет эксперимент!

**Он называет себя
не учителем, а мастером.
Все необычно в его классе.**

**На уроках
Анатолия Арсеньевича
работают все!**

Татьяна Корсакова, журналист

Звонкий солнечный день на Алтайской улице. Звенит все: капель, тонкий лед лужиц под ногами прохожих, голоса торговков, мобильные телефоны... Вот сейчас войду в гимназию — и станет тихо. И впрямь — тишина всюду: в вестибюле с вежливым охранником, на чистейших лестницах, в просторных коридорах. Но только не на уроке у Окунева!

Накануне Геннадий Андреевич Соколенко, первый заместитель председателя Комитета по образованию Санкт-Петербурга, человек внимательный, тонкий и знающий, дал мне на время книгу А. А. Окунева “Урок? Мастерская? Или...” с дарственной надписью автора. Я пролистая толстенький томик и засомневалась:

— Вы, Геннадий Андреевич, сказали, что он математик...

— Конечно.

— Но тут-то что, смотрите. Я цитирую: “Вопросы, вопросы, вопросы... Они движут мысль, стимулируют поиск (у детей — Т. К.)... Другое дело, если ответ на вопрос дал учитель. Тут уж его авторитет — гарантия основательности, истинности, правильности ответа, какие уж тут вопросы... Сколько же неточностей и просто ложных утверждений таят ответы, защищенные авторитетом?..” Окунев — он кто? То ли филолог, то ли психолог, а может быть, профессор логики или семантики?

Геннадий Андреевич вздохнул, позвонил в 526-ю гимназию и снял все сомнения:

— Четвертый этаж, кабинет № 2 — кабинет математики.

И вот я слушаю монологи Мастера.

— Математику объяснить невозможно. Вернее, так. Дидактический метод объяснения, который принят сейчас в школе, вреден. Нужно, чтобы метод объяснения был востребован учеником, а учитель обычно начинает объяснение, не дождавшись запроса со стороны ученика. И вот пока учитель не пропускает ученика вперед себя, а идет впереди него, зная куда, ученику это неинтересно. Он старается запомнить, но не думает. Мы же, в "Новом образовании", называем себя не педагогами, не учителями, а мастерами. Ассоциация "Новое образование", или, по-французски, *Group Français d'Education Nouvelle* — GFEN, известна теперь не только во Франции, где родилась, но и во всем мире, в том числе и в России. Учитель — последователь "Нового образования" владеет совершенно другой философией.

Та философия, тот определенный образ школы и учителя, которые навязывают ребенку родители, когда он идет в школу, складываются из собственного их опыта пребывания в школе. Они говорят: "Учись хорошо, слушай учителя". А в "Новом образовании" учителя слушать практически не надо. Нужно самому быть активным. Не получается? Такого не бывает. Я всегда говорю: "Нет дураков среди учеников". А у французов похожий лозунг — "Все способны".

Для нас главный вопрос: **чему рад учитель?**

Наш коллега Пьер, учитель из Тулузы, радуется тому, что вот он два года работал с девочкой, которая не умела читать, а теперь она пишет стихи. А у нас в Питере, в школе напротив, педагоги занимаются с детьми, у которых со здоровьем не все в порядке, и когда я спросил их, какие у них были в этом году педагогические успехи, одна учительница сказала: "У меня ученица в конце учебного года в первый раз улыбнулась". Это ее достижение! Она — педагог! Это не учитель, который учит чему-то... ненужному.

Вот вы сегодня утром извлекали корень квадратный из чего-нибудь? Нет. Но, может быть, перемножали многозначные числа? Тоже нет. И так — никто. Получается, что весь тот материал, который изучается в школе, — всего лишь побочный продукт общения учителя с ребенком.

Вчера мы общались с коллегами, которые работают согласно принципам "Нового образования", и одна

учительница сказала потрясающие слова: "Мастер в отличие от учителя должен принять ученика и создать на своем занятии такие условия, чтобы он сумел справиться со своими проблемами, и не только сейчас, но и в дальнейшем".

Самое главное, что эта милая очаровательная женщина, говоря о своих учениках, "убрала себя". Учитель должен любить только учеников. Но не себя самого, понимаете?

Идя на встречу с Окуневым, я прочла несколько страниц из его книги и уже знала это его пожелание учителю "убрать себя" — и вот вам маленький (собственный — Т. К.) пример самоисправления.

В метро впереди меня ковыляла к эскалатору девушка на высоченных и, главное, тонюсеньких каблуках. "Не надо идти сразу за ней, — прошептал кто-то внутри меня. — Опасно. Застрянет каблук в ступеньке, и будет куча-мала на эскалаторе". Я чуть помедлила, а потом совершенно по-окуневски одернула себя, подумав о девчонке: "При чем тут я? Ей-то каково будет, ведь ноги переломает!"

"Вот-вот, — согласился Окунев, услышав рассказ. — А в школе педагог думает обычно только о программе, о том, что ему надо пройти, а не о ребенке, который приходит на урок, и что это уже его, ребенка, час жизни, и он этот час жизни должен учиться общаться, учиться справляться с проблемами, а не заучивать догмы".

Поразительно, как талантливые педагоги, знатоки человеческих душ и поступков, могут открыть нам, всем остальным людям, самих себя и даже что-то изменить в нас, сколько бы лет нам ни было. Великая штука — хорошая педагогика. Она исправляет "переломы" и взрослого, устоявшегося характера.

— Проблемами образования занимались и Сократ, и Декарт, и даже Мандельштам. Да, Осип Мандельштам говорил: "Быть может, прежде губ еще родился шепот, / и в бездревесности кружились листья, / и те, кому мы посвящаем опыт, / еще до опыта приобрели черты..." Мы стараемся ученика учить, учить, учить, а он еще до нашего опыта приобрел свои собственные черты. И вот это несказанно важно: "...до опыта приобрели черты".

Не надо торопиться. Как пел Высоцкий, “чуть помедленнее, кони”. Чуть помедленнее. Учителю надо не спешить со своими ответами. Не торопиться своими знаниями тормозить мысль ребенка. Дождаться его вопросов. Дождаться, чтобы у него возникли проблемы. Когда я однажды сказал ребятам: “Я ничему вас учить не буду”, и один парень спросил: “А для чего тогда учитель?”, я ответил: “Чтобы создавать проблемное поле”.

Жизнь воспитывает детей одним способом, а семья — другим. Родители приучают: слушай учителя, запомнишь, повторяй за ним. Не сам открой, а “повторяй”! Но это же совершенно разные вещи. Кстати, и ученые-педагоги говорят учителям то же самое, что и родители детям. Только вслушайтесь: “Вы, дорогие педагоги, должны знать, что за продукт вы выдаете на исходе”. Буквально: “Какой продукт и какого качества вы хотите видеть”. Будто педагоги колбасу выпускают или стулья. Разве может учитель запрограммировать, каким должен быть ребенок? Каким он захочет, таким и будет, а задача педагога сделать так, чтобы ребенок нашел свой путь. Пускай мучается эти 10 лет в школе, но живет полной жизнью, которой он и будет жить после окончания школы. Надо, чтобы ребенок выбирал. Выбирал! Каждую секундочку выбирал и каждую секундочку находил возможность общаться. Это ведь одна из главных проблем — люди не умеют между собой общаться. Люди не умеют говорить. Люди не умеют молчать и слушать. Хотя современная школа, по-моему, — это учреждение, действующее сегодня лишь для того, чтобы заставить детей молчать, потому что говорит только учитель: “Ты молчи! Я еще не все сказал! Дай мне договорить! Ты мне мешаешь вести урок!” Дети всем мешают. Одну учительницу пенсионного возраста пригласили на замену вести уроки в школе. Она отказалась: “Нет, я не могу. Они все шевелятся...” Они ей мешают.

Между тем прозвенел звонок на урок. В кабинет вошли девятиклассники и бесшумно, по-взрослому расселись за столы.

Помещение следует обрисовать отдельно. Возможно, только теперь я поняла выражение “красный угол”. В этом классе — то самое место, на которое прежде всего устремлен взгляд входящего: от двери строго по диагонали на учительский стол и са-

мого учителя. Столы учащихся стоят веером по отношению к столу Окунева. Учитель может “ухватить” этот веер и “управлять” им, так что мысль о некоем равенстве младших и старшего следует оставить в покое: равенства нет, есть уравновешенность интересов, главные из которых — интерес к знанию как таковому и взаимный интерес Мастера и учеников. В классе две классных доски. Вернее, две стены, одна напротив другой, заняты индивидуальными досками учащихся.

— Стас, у тебя все получилось? — после приветствия начинает Окунев. — Сейчас начнем работать. Кирилл бутерброд доест — и начнем.

Пока Кирилл за дверью расправляется с неожиданным для перемены бутербродом, Анатолий Арсеньевич интересуется здоровьем присутствующих и дает им сногсшибательный совет:

— Болеть безнравственно и аморально. Повесть дома этот лозунг. Кто не болел на этот раз? Молодцы. А вот и Кирилл. Мы приветствуем тебя. Быстро садись. С какими проблемами вы столкнулись при выполнении домашнего задания? Как вы их решали? Проблемы могут быть разного характера.

Ученики называют проблемы, переходя от чисто математических к общим. Проблема, которая “понравилась” преподавателю, оказалась такой: “Что из старого мы увидели в этом сложном примере? Что надо было припомнить?” Окунев отнюдь не требует от всех блестящего знания пройденного материала, наоборот, ненароком напоминает им старую мудрость: “Хорошо припоминает тот, кто хорошо забывает”.

— Теперь идите к доске.

К доске идут все. Места хватает всем. Анатолий Арсеньевич диктует пример из задачника — очень сложный, но известный — тот самый, который решали дома. Видно, что с примером знакомы все. Никто ни у кого не списывает — списать очень легко, но зачем? У них другой уровень отношений между учителем и учениками и другой уровень отношения к математике. Более того, Окунев призывает детей сверяться с тем, что пишет на доске со-

сед, но решать по-своему, отстаивать потом перед всеми свое решение.

— Вова! Можно по сторонам посмотреть. Учиться друг у друга — это прекрасно. Стас, Паша! Посмотрите по сторонам.

— А да! — восклицает Стас. Он нашел у себя ошибку и исправил ее.

Как это все не похоже на классический “прусский” урок, где дисциплина и собственное, индивидуальное знание — превыше всего, где учитель строго контролирует отдельного, но не всех, где страх получить плохую оценку витает в воздухе и забивает желание знать, как пыль забивает глаза и нос углекислотой...

— Будьте зрячими! Увидеть надо, надо увидеть все, как решают другие. Поговорите друг с другом.

И дети говорят. Дети спорят между собой, как спорили молодые физики на какой-то старой советской картине. Мелодия урока: стук мелков о доску, как дробный звук дождя, и спор, в котором оттачивается истина, пусть учебная, но уже своя.

— Будьте добры, подойдите все сюда.

Начинается разбор полетов мысли. Окунев размышляет, думает вместе со всей своей “мастерской”, которая заинтересованно передвигается от доски к доске. Мастер отпускает чисто математические замечания и реплики вроде: “Ты действительно понял”, “О my God!” и наконец: “Ты его ошибку увидел раньше меня? Значит, будешь академиком, а я останусь учителем”.

Новое задание: “Методом индукции доказать это равенство”.

Снова “стук дождя”, но, поскольку пример незнакомый, не такой спорный. Как много дождинок — редких, штучных! Ученики снова поправляют друг друга, спорят, подняв мелки, размышляют вместе.

— Мне несказанно радостно! — заявляет Анатолий Арсеньевич. Он вновь проверил все решения, правильные и неправильные, заставил всех поискать ошибку в неправильных, но отметил нетривиальность хода мысли того, кто ошибся. — А теперь вымойте доски и подите вымойте руки.

И вот конец урока.

— Всех благ. Всего доброго. Приходите завтра в восемь.

Да ведь завтра суббота? Но те, кому учиться интересно, не любят бездельных суббот.

— Сейчас мы, члены ассоциации “Новое образование”, готовимся к ежегодной конференции. Ждем 250 делегатов, в том числе будут около 30 докторов наук, придут представители из разных регионов России, а также из Прибалтики и Казахстана. Учителя будут проводить мастерские с участием своих ребят. Во Дворце творчества юных откроются мастерские для учителей под названием “Учись сам”. Учителя будут учиться сами тому, чему никогда не учились. Кто-то мечтал хотя бы раз провести смычком по струнам виолончели, кто-то — овладеть ритмами танца, кто-то — построить свою ракету, свой корабль, кто-то мечтал своими руками сделать куклу. И всему этому они станут учиться. Полтора часа будут учиться сами, а после начнется “рефлексия” — им раздадут вопросы ребят. Один шестиклассник спросил: “Почему я такой счастливый, но почему я так грязно пишу?” А другие написали: “Что будет после конца света?”, “Зачем взрослым надо воевать?”. Такие недетские вопросы. Потом в гости к учителям придут поэты, художники, композиторы, кинорежиссеры. Тема обсуждения будет такая: “Значение Петербурга в становлении личности петербуржца”. Смыслы города меняются со временем: в эпоху Петра Первого, в эпоху декабристов, в эпоху революции, войны — в каждое время. Нечто оказывало влияние на характеры детей... Будет потрясающая тема: “Краски города, воспринимаемые и невоспринимаемые взрослым и ребенком”. Когда я художнику эту тему дал, он заволновался несказанно, хотя рисует Петербург уже не один год: “Как же я на этот вопрос отвечу?!” И то же — о звуках города, о его объектах... Все влияет на ребенка! Расставлены у меня столы вот так — они придут с одним настроением в класс, они все близко ко мне. Если бы я поставил столы традиционно, в три ряда, они бы были очень далеки от меня...

Вновь мелодичный звонок на урок. Теперь каждое образовательное учреждение может выбрать себе любую мелодию в качестве звонка. Выбирают нераздражающее.